

Сергей
АРУТЮНОВ

г. Москва

(Об одноименном стихотворении Константина Скворцова)

Все мы, кажется, родом из этих запахов, дров, керосина, краски, сырой штукатурки. Полстраны ещё помнит махорку на морозе, лошадиный пот и перегар.

Биография Константина Скворцова проста: страхлась война, и мальчик вместе с матерью покатил из Тулы на Урал, в Златоуст, а отец его остался прикрывать отход семьи, вступив в ополчение, за что потом был судим – «дезертирство с трудового фронта» (ему сразу же выдали заводскую «бронь», но он инстинктивно презрел её).

С тех самых пор, где бы Константин Скворцов ни был, он неизменно читает эти строки:

*Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.*

Отчего же глаза закрываются «несмело»? Только одно и приходит на ум: боязнь ночного кошмара. Отчего, как, откуда она? Оттого ли, что картины, всплывающие в ночном уме, полны нищеты, задворок, страхом не уцелеть?

Печать войны, наложенная ею на своих детей, не стираема, не выводима.

Как контрастно выделено, как горит во второй части катрена «помнится только» – материнская песня – сверкающая путеводная нить. Одна она и хранит подросткового мальчика. Может быть, она единственная и вспомнится там, на пороге вечности.

Неужели только её и помнит сердце? Было же многое – другие женщины, далёкие страны, встречи, триумфы, а сердце упёрлось в начало – не отдерёшь. Да неужели же русские – как «экспансивные» итальянцы, южане, горцы, только мать и любят? Может, потому, что мать одна и любит дитя своё – любим. Материнскую любовь нельзя подделать, вот и не заслоняется она – ничем.

* * *

... Когда нам говорят, что в семье народов мы самые инфантильные, не стоит обижаться. Только не подменные дети Божии и могут не считаться с «выросшим из религии» ми-

ром, и всю жизнь плакать по ушедшим, и помнить их, и страдать каждый день, чувствуя сиротство, и только тем и превосходить его, побеждать горе искренней скорбью, а не игрушечным отстранением от него. Под пение херувимов отпустят с Земли того, кто сжигал себя внутренними слезами.

Стелется за буранами, слетающими с древних гор:

*Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

*Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой – ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.*

Сразу начинает слышаться этот голос, названный «ножевым» – читай, прорезающий насквозь не резкостью своей, а – обратным ходом – жалостью к матери, её доле, и – уже шире – ко всем враз овдовевшим, оставшимся надеине с долгими месяцами и годами ожидания. Некоторыми – навсегда.

Песня же тоже – позывной оставленного ребёнка, надеющегося, что его найдут. Не родители, так сам Господь. Мать Земля и Отец Небо – пусть найдут и обогреют.

Не хлебом, но песней единой уцелел и мальчик.

* * *

На что могли рассчитывать женщины, оказавшиеся в зауральской эвакуационной глуши? В чём такое уж отличие её от родных европейских областей, Подмосковья, Поволжья? Те же люди, тот же язык, места только вот иные – похожие, да не похожие. Выдрали корешок... как обжиться, если уцелели из вещей лишь пара узлов? Дома повыше, морозы трескучее, обычаи... а что обычаи, когда всех ещё с Революции в один ком скатали? Попались бы на дороге люди добрые, а там уж как-нибудь. Начальство не злое...

Десятки раз слышали мы о Сибири, Урале, куда многими эшелонами пригнали «промышленную мощь страны», читали и рассказы эвакуированных о том, как приняла их суровая земля.

Знаем о таких же, как пришлые, горевавших, но не сдававшихся судьбе солдатках, по-сестрински делившихся последним.

Так ли было со Скворцовыми? Может быть, так, а могло быть и по-всякому...

Чувства заброшенности, одиночества, кочевий по чужим углам и самый ровный нрав местных – не отменяет. Тоска по ночам, тоска с утра, тоска вечерняя, да ещё множимая на тяготы и несмолкающую тревогу – где муж, бьётся ли, пал, ранен, жив, и так без конца.

*Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдóвы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

Заглушала ли песня рыдания? Нет. Вплеталась в них фоном, непобедимой убеждённостью не отдельного человека, но целого народа в том, что всё пройдёт, и война, и жертвы, и голод, и устроится Царство Божие во веки веков для всех усталых, оборванных, как верилось исстари.

...Пела – потому что не могла иначе. Песня не давала уплыть за грань отчаяния, каждым звуком свидетельствовала о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. И после нас, и помимо нас, и с нами, и без.

Пели у нас всегда, и на крестинах, и на поминках. А ещё русские люди пели за работой. Циник скажет – прямо как негры на плантациях. Да! Пусть – как негры! Песней смиряли тяготу, песней спасались, уравнивали дыхание, тренировали лёгкие, будили дух, и им, духом, рисовали в морозном или знойном воздухе немые фигуры, будто бы резали наличники, тесали посуду и игрушки. Жили!

Слава певшим.

*Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Всё эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.*

Так и отбираются поэты – из тех, кто ничего не смог забыть, из тех, для кого первым рабочим инструментом является – память. Поэзия есть совокупная эмоциональная память человечества, нации о прошедшем, а порой и будущем.

Грузовики во дворах военкоматов, бабий вой, то стихающий, то разгорающийся снова, тусклые лампочки хлебных лавок, чавканье разру-

баемых поленьев, сытый, убаюкивающий треск их в пламени, хруст сена в лошадиных губах, пар из ноздрей. Страдальческое коровье мычание, бодрящие петушиные вскрики, ражий заводской гудок.

Шарканье лопат по угольному полу, надрывные крики после обхода домов почтальонш с похоронками, в тишине – отчётливое пение сверчков, торжественно траурный глас Левитана из тарелки репродуктора на столбе, взвизги неутомимой детворы. И вечно подсасывающий живот, дурнота.

*Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё.
Всё мне казалось, – матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.*

Правда: старики обретают бесплотность. Только руки их начинают опираться на вас, как невесомые птичьи лапки, знайте: настаёт прощание. Человек истаивает, может быть, годами, но последним выдохом свечи завещает себя остальным. Что за награда ему в жизни за долгую песню?

Поле.

Русское поле, вбирающее в себя всех нас, на которое не можем наглядеться ни весной, ни летом. Поле жизни и смерти нашей, за которое сложили головы отцы и деды.

Сергей АРУТЮНОВ –

поэт, публицист.

Родился в 1972 году в Красноярске.

Окончил Литературный институт им. Горького в 1999 году,

где с 2005 года ведёт творческий семинар.

*Автор многочисленных статей и рецензий
в толстых литературных журналах и газетах,*

а также 16 книг,

среди которых 11 стихотворных.

В журнале «Север» публикуется впервые.

